

Л. ТОЛСТОЙ И БОЛЬШЕВИЗМ

С кем Толстой? Оба стана, белый и красный, хотели бы иметь воду его на свою мельницу, и обоим кажется, что это легко. Нет, не легко.

Если мы желаем быть честнее наших врагов, то должны сказать прямо: во всех мерах — этике, эстетике, политике, метафизике — Толстой не с нами. В лучшем случае, он — между или над обоими станами.

Толстой — не с большевиками в этике, потому что у него — «непротивление злу», отрицание насилия абсолютное, а большевики — абсолютные насильники, — таково общее мнение. Но отрицание насилия отделяет Толстого от большевиков и от нас в одинаковой степени: ведь, и мы насилия не отрицаем, злу насильем противимся. Весь вопрос в мере: у большевиков насилье безмерное, а мы его умеряем.

«Не вари козленка в молоке матери» (Законодательство Моисея). Никто никогда не ел с таким вкусом, как большевики, этого проклятого варева. Но ведь и мы козленка едим, только варим иначе. Толстой вообще не ест «убоины»; ему безразлично, как она сварена. Вопрос о мере насилья для него не существен. Во всяком случае, мерою нравственной мы не отделим его от большевиков и не привлечем к себе.

Социально, политически Толстой — «капиталист и помещик»; вся плоть его — старая плоть России. Но ведь и он калечит ее, ломает, убивает ее с такою же безоглядною яростью, как большевики. Ничего в этой плоти не пощадили они; не щадит и он. Всю Россию кинули, как сухое полено, в костер мировой революции. А Толстой не кинул бы, ужаснулся бы, понял бы, что Россия тело Матери? В его сознании социально-политическом нет ничего, что позволило бы это сказать с уверенностью.

Но ближе всего к большевикам Толстой в эстетике и метафизике. Не в казенных пролеткультных вывесках, не в надувательских выкриках, а в существе дела, в той стихии народной, которая подняла и несет большевизм, — что он такое? Отрицание всякой культуры, как болезненной и противоестественной сложности, воля к упрощению, «опрощению», т. е., в последнем счете, метафизическая воля к дикости. Но ведь и весь толстовский гений — та же воля.

«В вас есть общая нам толстовская дикость. Неда-ром Федор Иванович татуировался», пишет граф Лев Николаевич тетке своей, Александре Андреевне Толстой.

Федор Иванович Толстой — знаменитый «американец», «алеут» Грибоедова, исполнивший на деле совет Ж.Ж. Руссо, опростившийся до дикости.

То, что у предка было дурачеством, — у потомка сделалось мудростью. Толстовская «дикая» мудрость есть

отрицание или, по крайней мере, обесценение всего условного, искусственного, созданного руками человека, т. е., в последнем счете, культурного, и утверждение всего простого, естественного, стихийного, дикого.

Вот камень на камне лежит первозданно, дико, — это хорошо; но вот камень на камень положен, это уже не так хорошо; а вот камень с камнем скреплен железом или цементом, — это совсем плохо: тут что-то строится: все равно что — дворец, казарма, тюрьма, таможня, больница, бойня,

церковь, публичный дом, академия; все, что строится — зло, или, по крайней мере, благо сомнительное. Первая толстовская «дикая» мысль, при виде какого бы то ни было строения, осложнения, возвышения, — упростить, снизить, сгладить, сломать, разрушить, так чтобы не осталось камня на камне, и опять все было бы дико, просто, плоско, гладко, чисто. Природа — чистота, простота; культура — сложность, не-чисть. Вернуться к природе — смести нечисть, упростить сложность — уничтожить культуру.

Уничтожить старую культуру, чтобы создать новую — говорят большевики. Но все, что они говорят,

вздор, надувательство или невежество, а то, что они делают, — подлинно. Надо им отдать справедливость: разрушать умеют; мир еще не видал таких разрушителей.

«Die Lust der Zerstörung ist eine schafferide Lust». «Восторг разрушения есть восторг созидания»: это бакунинское, ленинское, толстовское, пугачевское, разинское — вечнорусское. Если разрушение и есть созидание, то нечего бояться разрушения: только бы разрушить старое, а новое само создастся, вырастет. Созидание невольно, а в воле — разрушение беспредельное Мы думали Россия — дом; нет, шатер; шатер кочевник раскинул и вновь сложил — пошел дальше в степь. 1 олая, гладкая степь — родина скифов кочевников. Что ни зачернеет, ни замаячит в степи, хоть малую точкую ни возвысится, — все будет сглажено, снижено, выжже-но, растоптано скифским полчищем. Воля к шири, глади, голи, к физической равнинное, к метафизическому равенству эта древняя скифская воля — одинакова в Аракчееве, Бакунине, Пугачеве, Разине, Ленине, Толстом. Уравниали, уладили Россию — уладят и Европу — уладят весь мир.

Просвещение русское уничтожили — уничтожат и всемирное. «Плоды просвещения», — усмехнулся Тол-стой вместе с Лениным, — и плоды завяли, — не только все «плоды просвещения», но и все плоды земли: земля не родит, и люди издыхают от голода.

Может ли русская «воля к дикости» сделаться волей всемирною? Может. В России — Толстой, в Европе — Руссо. Руссо и Толстой — в начале двух революций. А может быть, и одной, всемирной?

Возвращение от культуры к дикости есть движение вспять — реакция. Метафизическая реакция — исходная точка политической и социальной революции: вот где срыв в дикий Ужас — Террор и в реакцию.

От Руссо к Толстому — воля к дикости — растет и ширится, как вулканическая трещина, бездонный провал. Сейчас вся Европа, весь мир — на краю этой бездны.

Стихия безлична: противоположность культурного стихийному, «дикому», и есть противоположность личного безличному. Воля к дикости — воля к безличности. Вот почему Толстой уничтожает Наполеона, затмевает это солнце личности, как туча вод потопных затмевает солнце в небе. Вместо одного лучезарного Солнца — бесчисленные, малые, темные солнца — атомы, «круглые» Платоны Каратаевы, капли «вод многих» — того социального потопы, который едва не поглотил однажды и снова хочет поглотить весь мир. Наполеоново солнце разогнало первую тучу потопную; какое солнце разгонит вторую? Да сравнивает потоп все верхи и низы — такова воля Толстого и Ленина.

Некогда Руссо, а ныне Толстого впитала не только Россия, но и вся Европа, весь мир, как сухая земля — воды ливня потопного.

Робок, наг и дик скрывался Троглодит в пещерах скал.

А троглодиты новые в культуре скрываются. Большевизм — дикость; но в культуре одичалые к диким тянутся: одичалая Европа — к русской дикости.

Большевизм — варварство; но усталая культура жаждет варварства, как задыхающийся жаждет воздуха.

Большевизм — зверство; но «когда я читаю Руссо, мне хочется стать на четвереньки и убежать в лес» (Вольтер). Глядя на большевиков, всей Европе захотелось в лес.

Большевизм — нагота; но «обнажимся и заголимся» предлагает Европа, как покойник в «Бобке» Достоевского.

Большевизм — чума; но вся Европа давно уже -

«пир во время чумы».

Большевизм — конец мира; но мир хочет конца.

Большевизм — самоубийство Европы. Начал его Толстой, кончает Ленин.

II

Итак, правы большевики? Не с нами, а с ними Толстой, — таков последний вывод? Нет, не последний.

Политика, этика, эстетика, метафизика, — все эти меры для Толстого — не последние, не высшие. Высшая мера для него — религия. С кем Толстой, — этот вопрос решается только здесь, в религии. Только потому, что мы сами ушли от религии, ушел от нас и он; и пока мы к ней не вернемся, не вернется к нам и он.

«Непротивление злу насилием» — сомнительная истина в этике, но несомненная в религии. От большого насилия к меньшему — таков этический путь, а религиозная цель — отрицание насилия абсолютное. У большевиков — обратный путь и цель обратная: от меньшего насилия к большему — до абсолютного утверждения насилия. Вот почему варят они «козленка в молоке ма-тери». Это не иная этика, а иная религия. Если мы это поймем, то Толстой будет с нами.

Старая плоть России для Толстого мертва в политике, но жива в религии. «Я себя не разделяю от бабы, верующей в «Пятницу»... Я признаю в ней истинную веру, потому что знаю, что несообразность понятия «Пятницы», как Бога, для нее не существует, и она смотрит во все свои глаза и больше видеть не может. Она смотрит туда куда надо, ищет Бога, и Бог найдет ее. И как я чувствую себя в полном согласии с искренно верующими из народа, так точно я чувствую себя в согласии с верою по церкви». Если мы это поймем, то поймем и то, почему Толстой не бросил бы, как полено, в костер мировой революции тело России Матери. Если мы это поймем, то Толстой будет с нами.

В метафизике Толстого «воля к дикости» бездонный провал, конец всякой культуры, а в религии — ко-нец культуры старой, начало новой.

Нет культуры без религии, как нет залежей тепло 1Ы солнечной — каменноугольной руды без солнца. От культуры к религии — от каменноугольного жара к теплоте солнечной. Это не отрицание, а утверждение культуры высшее.

На яснополянском кургане, где Толстой играл в детстве, он основал «орден для спасения мира» и зарыл «зеленую палочку», веря, что, когда ее откопют, наступит на земле царство Божие.

Если это — легенда, то глубочайшая сущность Толстого выражается в ней: детство, как царство Божие. «Если не обратитесь и не станете, как дети, не можете войти в царство небесное». Золотой век, детство мира

в прошлом? Нет, в будущем. Когда обратимся, станем как дети, поверим в чудо, то отроем «зеленую палочку» и наступит на земле царство Божие.

Это уже не метафизическая реакция, а религиозная революция, из всех революций величайшая. Потому-то и срывались все революции в бездонный Ужас, Террор, что за ними не было этой религии.

В политике Ленина — стальной рычаг разрушения беспредельного, а в религии Толстого — Зеленая Палочка, веточка с Древа Жизни, магический жезл беспредельного творчества. Вот почему не метафизическая ложь, а религиозное кощунство — соединять Толстого с Лениным. И опять если мы это поймем, Толстой будет с нами.

В метафизике Толстого — явная воля к безличности, а в религии — тайная воля к Лику Единому. Что воистину верил он в Единый Лик, о том свидетельствует гр. Александра Андреевна Толстая, которая знает веру его, как никто. Верил, но сказать не умел. «Сказать свою веру нельзя... Как только сказал, то вышло кощунство. Мало сказать — надо сказать и сделать. А сейчас кто скажет и сделает? Но пусть не сказал, мы все-таки знаем, что он с Тем, Чье имя сказать нельзя.

Он с Ним, а мы с кем? Только ответ на этот вопрос и решит, с нами или не с нами Толстой.

«Св. Лев, моли Бога о нас!» — гр. Александра Андреевна Толстая предсказывала, что обратится некогда с этими словами к племяннику своему Льву Николаевичу.

Свят ли он? Нет, несмотря на все величие свое, он так же грешен, как мы. Не за это ли мы и любим его больше святых?

Когда умирают святые, то прямо идут в рай, а грешные проходят чистилище. Русский большевизм — толстовское чистилище. Огнем его грехов сейчас вся Россия горит, но не сгорит: спасет Зеленая Палочка. Только грехи сгорят в огне чистилища, и выйдет из него Святая Россия, Святой Лев.

Св. Лев, моли Бога о нас! — пока мы этого не скажем, мы не спасем России.